

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Наталья БУЛЬБА

И ОСТАЛАСЬ
ТОЛЬКО НАДЕЖДА...

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Натальи Бульбы
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

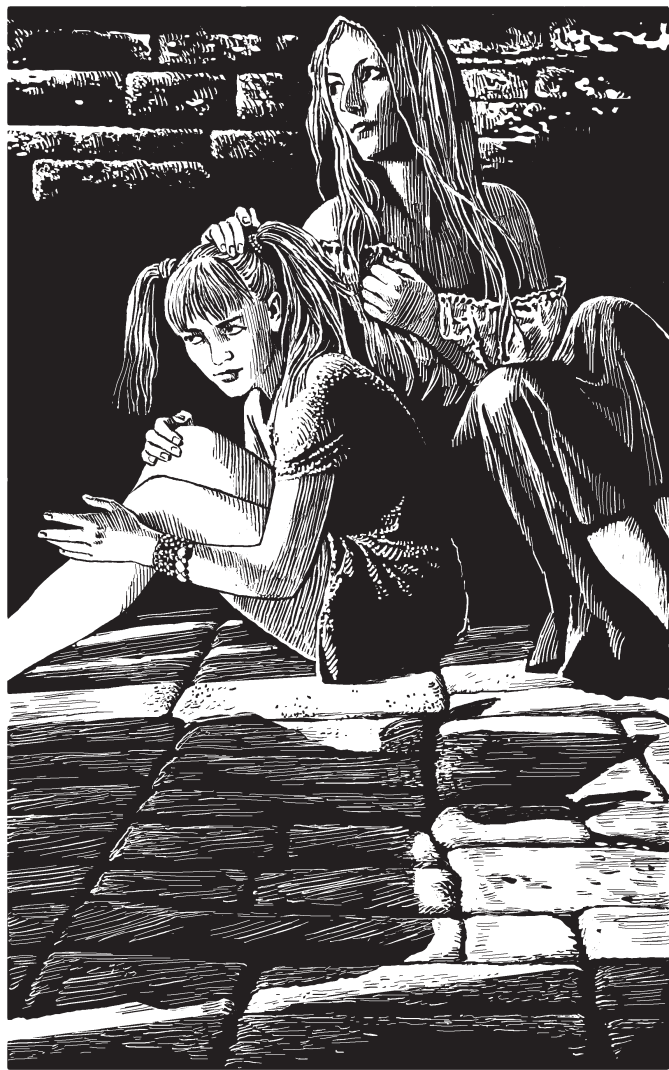
ОХОТНИКИ ЗА ДИКОВИНКАМИ ПО ВОЛЕ СУДЬБЫ

Цикл
«ПОКЕР ДЛЯ ДАЙМОНОВ»

ЛОВУШКА ДЛЯ ТЕМНОГО ЭЛЬФА ОТКРЫТА ВАКАНСИЯ ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ ПРОГУЛКА В БЕЗДНУ ВТОРЖЕНИЕ

Дилогия
«ВЗЯТЬ РЕВАНШ»

ПОСТАВИТЬ МИР НА КОН И ОСТАЛАСЬ ТОЛЬКО НАДЕЖДА...

Наталья БУЛЬБА

И ОСТАЛАСЬ
ТОЛЬКО НАДЕЖДА...

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Где-то там, за пределом миров,
Где расцвел фиолетовый ирис,
Мы до будущей жизни простились,
Чтоб когда-нибудь встретиться вновь...

Бессмертная Анна

Хватит ли веры, когда отступить будет некуда?

ПРОЛОГ

— Мы даем им в руки страшное оружие, — задумчиво протянул чернокожий мужчина, оглядываясь на управляющий кристалл, зеленоватым пятном выделяющийся на фоне голубого неба.

— Вероятность слишком мала, воины покинули этот мир, — не соглашаясь, произнесла хрупкая женщина. Ее кожа была белой. Она провела ладонью по лицу, убирая золотистую прядь волос — ею играл влажный от близости воды ветер. — Управлять храмом смогут только наши потомки.

— Не будь ее совсем, мне было бы спокойнее, — оставил последнее слово за собой мужчина, поправляя перевязь с мечом.

Женщина промолчала. Не потому что ей нечего было сказать.

Храм являлся необходимостью при других обстоятельствах, но они оба знали, что принятое тогда решение было единственным и, скорее всего, неправильным.

Равновесие оказалось нарушено, мир катился к Хаосу, грозя уничтожить и разумных, и тех, кто не был наделен способностью мыслить.

Они могли спасти всех, но вот имели ли право?!

Тогда на совете они посчитали, что — да, имели. У всех должно быть право на жизнь.

И на выбор.

Так был создан Веер.

Несколько столетий пути между мирами были открыты. Потоки переселенцев с покрытой льдом Земли осваивали все новые и новые территории. Но прошло почти тысячелетие, прежде чем магия начала залечивать раны, нанесенные Земле Изначальной вырвавшимися из-под контроля основами.

Вновь зеленели деревья, пели птицы, реки и моря наполнились рыбой, а леса — зверьем.

Казалось, жизнь возрождается. Увы... так только казалось.

За множеством забот мары проглядели новую опасность. Разлитой в воздухе магии оказалось слишком много для людей, переживших вместе с ними долгую зиму. Она пьянила их разум, отравляла помыслы и заставляла считать себя равными тем, кто был их хранителями.

Они напали внезапно. Лилась кровь, стонали, разрушаясь, горы, разливались по суше моря.

Едва восстановившееся Равновесие вновь сдвинулось. Но теперь в опасности была не только Земля, смерть угрожала всему Вееру.

— У нас не было выбора, — тихо, убеждая только саму себя, произнесла женщина.

Но мужчина ее услышал. Подошел сзади, прижал к себе, касаясь губами волос, вдыхая ее запах.

Он не хуже нее знал, что выбор у них был: уничтожить всех или уйти и дать людям еще один шанс.

Не было только единодушия. Впервые за время существования маров воины и созидатели не сумели прийти к единому мнению.

— Когда-нибудь мы вернемся, — прошептал он.

Но женщина, не соглашаясь, качнула головой.

Они оба знали, что не только пространство и время разведут их. Чтобы вновь спасти Землю, лишиться ее той мощи, с которой разум населивших ее людей справиться не мог, чтобы не дать силе стать смертью.

Воины нашли для себя новый мир. Им же, созидателям, предстояло раствориться в человеческой расе, разойтись по вероятностям, создав новый энергетический каркас для всего мироздания, стать его основой и гарантией того, что прошлое не повторится.

— Когда-нибудь мы вернемся, — уже тверже произнес он, чувствуя, как вздрогнула женщина в его объятиях.

Она опасалась этих слов. Знала, что каждый, кто оставлял здесь свою половинку, повторял их, как клятву. Они осознавали, что должны расстаться, и испытывали горечь оттого, что не могут поступить иначе.

— Это может стать началом гибели! — воскликнула она, поворачиваясь к нему.

— Это даст нам возможность начать все сначала! — с уверенностью, которую не мог поколебать страх в ее глазах, ответил он ей.

«Это даст нам возможность начать все сначала», — мысленно повторила она вслед за ним, ощущая странную притягательность того, что таилось за его словами.

Наверное, ей просто хотелось верить, что правы именно они, сильные и мужественные, решительные и всегда готовые действовать.

Наверное, ей было просто страшно смотреть в пустоту, когда портал в неизведанное закрылся за его спиной.

Наверное, ей просто было больно потерять того, кто был частью ее. Ее дыханием, биением ее сердца, ее рассветами и закатами.

Наверное...

Вопреки всему, что она знала, она верила — пусть не они, так их потомки найдут друг друга.

ГЛАВА 1

Лера

Бессилие. Страшное, утомляющее своей безысходностью состояние. Отбирающее надежду и лишаящее способности не то что действовать — думать. Есть лишь ощущение неконтролируемого падения, когда все вокруг сливается в нечеткий фон, в котором не разглядишь ни голубизны неба, ни текущей далеко внизу воды, ни покрытых снегом горных вершин...

Мне вновь пришлось вернуться к тому, что я уже когда-то пережила.

Как страшно, когда тебе много дано, но ничто из этого не может помочь исполнить единственную мечту, за которую ты готова отдать все свои способности, — вернуть дочь.

— Тебе нужно отдохнуть.

Сашка уже несколько минут молча стоял у меня за спиной, стараясь не потревожить моей задумчивости. Лишь его дыхание да отражение моего напряженного взгляда в стекле, разделившем мир надвое: черное и белое.

Но я отмечаю это только как очередной факт среди множества подобных ему. Я слушаю, но не слышу, смотрю, но не вижу. То, что внутри меня, не эмоции, не мысли, не воспоминания — образы.

Вот я принимаю на руки дочь, которая, казалось бы, только мгновение назад порадовала мир своим криком, вот она касается своими крошечными губками моей груди. Вот ее первый шаг, вот она произносит по-эльфийски «папа», вот...

Я держалась, пока мы были на Дариане, я не позволила чувствам опалить разум, когда мы перебрались на ее альтернативу, но когда оказались на Земле, в том городе, где я провела большую часть своей жизни, где я впервые увидела Олейора...

Воспоминание о муже не отрезвило, но заставило укорить саму себя. В отличие от него у меня была возможность действо-

вать, он же мог только верить. В меня, Вилдора, Сашку, Кадина-ра, Сартариса и Сарката, для которого оказалось немыслимым оставить друга и господина. Олейор мог только надеяться на то, что наша выдержка поможет нам там, где силы окажутся неравными, что мужество и решимость не позволят беспомощности взять верх, а любовь окажется сильнее коварных происков судьбы.

— Где Вилдор? — Я оторвалась от созерцания собственных глаз, в которых застыла мука, и повернулась к сыну.

Он стоял слишком близко. Так, что я ощущала его дыхание на своем виске, слышала биение его сердца. И память, словно и ждала именно этого момента, вернула меня в тот день, когда мы с моим первым мужем привезли Сашку из роддома и я впервые ощутила свою ответственность за кроху, которая сладко причмокивала губками в своей кровати.

Не раз в своей жизни я задавалась вопросом, хорошей ли была матерью? Все ли сделала для того, чтобы в его слове «мама» звучали любовь и уверенность в том, что я сумею защитить от грохочущей за окном грозы, поддержать после предательства друга и искренне радоваться его счастью?

Но, не решившись спросить об этом, я просто отдавала ему себя. Зная, что придет время, и он прижмет к груди уже своего сына и спросит себя, хорошим ли он будет отцом?

— Он с Кадином и Сартарисом осматривает озеро. Сказал, что хочет проверить кое-какую идею. Вернется, поделится. — И, заметив мою горькую усмешку, равнодушно добавил: — Ты же не думаешь, что он позволит тебе самой заняться поисками базы Яланира?

— Ты узнал, где работает Алена? — вместо того чтобы ответить Сашке, спросила я, намекая на то, что разговор о моих отношениях с Вилдором не доставляет мне удовольствия.

Тем более что и отношений не было. Или... Я чувствовала, что-то заставляло меня тянуться к нему, словно тень Таси все еще жила во мне и помнила о том, кем был для нее бывший правитель Дарианы.

С этим было трудно, почти невозможно бороться, пока даймон находился рядом, но стоило ему исчезнуть из моего поля зрения, как чувства затихали, возвращая осознание того, что в этом мире для меня существует лишь один мужчина — мой муж.

— Да, — кивнул сын и, еще раз посмотрев на меня со смесью

горечи и надежды, отошел к стоящему у противоположной стены креслу.

Я всегда любила пространство, воздух, потому и ограничивалась минимальным набором самой необходимой мебели. Но сейчас, в этой большой комнате, мне было тесно.

— Если ты хочешь, я...

Я не дала ему закончить.

— Я справлюсь сама.

— Как скажешь, — не стал возражать Сашка и продолжил спокойно и уверенно: — Фирма небольшая, занимается торговлей. Несколько магазинчиков в разных концах города, офис, склад. Парень, который нам нужен, работает системным администратором, но реально занимается всем, начиная с железа. Зовут Константином. Интересы — разносторонние. Знакомства — разнообразные. Судя по тому, что Саркату удалось перехватить, всерьез воспринимает шумиху вокруг 2012 года.

— Не догадываясь, что 2012 год может наступить значительно раньше, — угрюмо заметила я, думая о том, что, живя на Лиле, несколько отрешилась от своей родины.

— Если нам не удастся это предотвратить. — Сын выглядел непривычно бесстрастным, но взгляд выдавал тревогу.

— Если нам с Вилдором не удастся это предотвратить, — словно не заметив, как вздрогнул сын от моих слов, поправила я. — Насколько он адекватен в оценке реальности?

— Настолько, насколько может быть адекватным нормальный мужик, который крутится на нескольких работах, чтобы обеспечить свою семью. Короче, все в меру. Вполне допускает вероятность любых событий, понимает свою неспособность что-либо изменить, но не отказывается от попыток найти единомышленников.

— Мне надо с ним встретиться. Возможно, он знает о храме Ханумана значительно больше, чем мы сумели найти.

— Или о тех местах, где может находиться база Яланира.

Появление в комнате Вилдора стало для меня неожиданно. Это было еще одной странностью, которую я отметила, когда мы оказались на Земле. Его силы росли, как и способность владеть ими. С ним происходило то же самое, что творилось со мной, когда я открыла себя Дариане. Вилдор вживался в этот мир, становясь с ним единым.

Вот только объяснить причину этого мне никак не удалось.

— Ты считаешь, что база и храм...

Он перебил меня, не дослушав.

— Над озером — пространственно-временной карман. Если допустить, что он проявляется лишь в момент тестирования системы, то вряд ли он мог стать доступным моему сыну. К тому же Яланиру были необходимы лаборатории, тренировочные залы, обслуживающий персонал, охрана. Я не говорю уже о генетическом материале.

— Если взять за образец дарианские комплексы, — вклинился в наш разговор Кадиар, прислонившись к стене у самой двери, — то единственное место, где его можно спрятать, — под землей.

— И маловероятно, что все это создавалось на виду у множества бороздящих орбиту спутников и под боком у различного рода спецслужб, — не сводя глаз с Вилдора, задумчиво протянул Сашка. — Если ты уверен, что храм Ханумана для него недосыгаем, надо искать подземные сооружения, оставшиеся со времен холодной войны. Из тех, про которые благополучно забыли.

— А магическая защита? — попыталась я проверить на прочность версию с подземной базой.

— На Земле достаточно много магов, в том числе и высоких уровней. — На лице дарианца, как обычно, не было видно эмоций. А вот в глазах... Он понимал, что многое зависит от него. И не испытывал от этого радости. — Яланиру доступен только Хаос, а это слишком заметно.

— Константин может быть нам полезен. — Сашка протянул Вилдору несколько листов бумаги, которые держал в руке.

Пока тот их просматривал, бегло скользя взглядом по распечатанному на принтере тексту, я думала о том, что, зная о дарианском кошмаре так много, я почти ничего не знаю о нем. Вот и то, что он владеет моим родным языком, стало для меня новостью.

— Ты прав, — вместо того чтобы передать записи мне, он подал их Кадинару, — раз его интересует все тайное, он мог где-то и когда-то наткнуться и на нужную нам информацию. Займись этим с утра. И возьми с собой Сарката.

— Я пойду с ними, — жестко произнесла я, вполне законо-

мерно предполагая, что Вилдор опять решил исключить меня из участников поисков.

— Нет, — твердо ответил он, даже не посмотрев в мою сторону. Но, сообразив, что своим запретом лишь подтолкнет меня к необдуманному поступкам, добавил уже мягче: — У тебя завтра будет не менее сложное задание.

— Ждать вестей? — Мой тон трудно было назвать доброжелательным.

Но он этого словно и не заметил.

— Я хочу, чтобы ты побродила по городу и аккуратно просканировала фон. Нам не нужны неожиданности, когда придет время действовать.

— Ты предлагаешь мне поработать приманкой?

Нет, я не винила его за исчезновение моей дочери и совершенно незнакомой мне девушки. Все произошло по несчастному стечению обстоятельств. Но...

Я доверяла Вилдору безоглядно, не требуя гарантий и не ведая сомнений. Забыв о том, что даже у самых лучших могут быть неудачи, что даже самые хитрые способны не разгадать чужих головоломок.

Я доверяла... И продолжала доверять. Но теперь это было значительно сложнее.

— Да, — равнодушно бросил он и, обращаясь к остальным присутствующим в комнате, попросил: — Оставьте нас.

Кадиар вышел первым. И не только потому, что был ближе всех к выходу — он лучше многих других понимал, что иногда Вилдору не стоит перечить. Сашка тоже об этом знал, но у него были другие приоритеты. Потому он и позволил себе чуть задержаться, подойдя ко мне, прежде чем уйти.

— Я переночую у бабушки. Сарката забираю с собой. А ты постарайся все-таки отдохнуть.

— А ты постарайся убедить бабушку, что все будет в порядке.

Я пыталась говорить спокойно, но голос предательски сорвался. Не сын, а я сама должна была заставить ее поверить в то, что мы сумеем найти Амалию. Но я не могла. Лишь здесь, среди уверенных в себе мужчин, я находила в себе силы сдерживать рвущийся наружу страх. Но как только я оставалась одна, чувство бессилия возвращалось, лишая меня веры в будущее.

— Хорошо, — кивнул Сашка и, проходя мимо Вилдора, явно чтобы спровоцировать того, добавил: — Оставляю ее на тебя.

Мальчишка! Он сумел стать советником правителя темных эльфов, любимцем властителя драконов Тахара, заслужить уважение повелителя демонов Арх'Онта, но остался все тем же бесшабашным мальчишкой, которым я его помнила с детства.

— Я прослежу за ней. — В голосе Вилдора явно слышалась угроза, но глаза, которых не мог видеть Александр, смотрели ему вслед с удовлетворением.

В любое другое время я могла этому только порадоваться: мнение бывшего ялтара значило многое, и не только для меня. Но не сейчас, когда у него за спиной стояла тень его поражения.

— Тебе и вправду нужно отдохнуть, — без малейшего намека на заботу проговорил дарианец, когда дверь за Сашкой плотно закрылась. — У нас осталось слишком мало времени. Если все будет происходить так, как я думаю, нам придется скоро забыть о сне.

— Если все будет так, как ты думаешь... — повторила я за ним, зацепившись не столько за сами слова, сколько за тон, которым они были произнесены. — Ты хочешь сказать...

Договорить он мне не дал.

— Предположить появление этой девушки рядом с твоей дочерью было практически невозможно. Но теперь я понимаю, почему это произошло. И это знание дает уверенность в том, что Яланиру не удастся задуманное.

— Но делиться своими новыми идеями ты ни с кем не собираешься? — Я бы и хотела почувствовать гнев, но, когда речь шла о Вилдоре, он не возникал. Это существо было настолько вне привычных схем общения, вне знакомых стереотипов поведения, что подходить к нему с известными мерками выглядело глупой затеей. И мне в этом уже не раз пришлось убедиться.

— Не собираюсь, — подтвердил он то, в чем я не сомневалась, проходя мимо меня и опускаясь в кресло, в котором недавно сидел Сашка. Человеческая личина хлопьями тумана сползла с него, открывая усталое лицо. — Ты — мать, и ты не можешь позволить себе того безрассудства, которое заставляет переступать через собственный страх и делать то, что кажется невозможным. Ты не нападаешь — ты защищаешься. Но при этом ты — берсерк, в которого до конца не можешь поверить. Если я расскажу тебе все, сомнения в своих силах появятся у тебя раньше, чем вера в возможность осуществить задуманное.

— Поэтому ты делаешь все, чтобы я металась, не понимая

происходящего, и просишь просто тебе верить, — не спрашивая — утверждая, закончила я.

— Не только поэтому. — Он откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. — Способность твоего рода ощущать пути судьбы делает значимыми твои действия. Многое из того, что ты воспринимаешь как метания, имеет свой результат. Правда, это осложняет исполнение данной Олейору клятвы спасти тебя.

Это был едва ли не первый случай, когда Вилдор снизошел до объяснений, но удовлетворения от разговора я не испытывала. Зная, что он прав, понимая, что его опыт подсказывает ему наиболее простой и максимально эффективный способ достичь желаемого, доверяя ему так, как не доверяла никому ни в одном из миров, я не находила в своей душе успокоения. И от этого было тяжело. Настолько тяжело, что избавиться от навалившегося груза, в котором смешались ответственность, долг, любовь, можно было единственным способом — действовать. Но вот как раз этого мне и не позволяли.

Не заметив, как оказалась рядом с бывшим ялтаром, подчиняясь скорее чему-то глубоко внутри меня, чем разуму, опустилась на ковер рядом с креслом, в котором он сидел. Прикоснувшись лбом к его руке, лежащей на подлокотнике, тронула губами теплую кожу. Догадывалась, что он поймет все правильно. Не женщиной я была сейчас, как он и сказал, — матерью, которая вверяла ему самое дорогое — жизнь своего ребенка.

Рука Вилдора не дрогнула, он словно и не заметил моего присутствия. Да и голос, когда он заговорил, звучал отстраненно и бесстрастно, рая и отрезвляя.

— Если у нас не получится, уже ничто не будет иметь смысла. Ни ее, ни твоя, ни моя жизнь. И как бы тебе ни было горько, как бы ни душили тебя тоска и отчаяние, ты должна помнить — не столько спасение Амалии является нашей целью, сколько существование миров. И если ты не сумеешь обуздать свои чувства, я буду вынужден освободиться от тебя как от фактора, ставящего все под угрозу. Но без тебя нам будет значительно труднее.

— У тебя удивительная способность избавлять от иллюзий, — с грустью прошептала я, полностью признавая его правоту.

— У тебя удивительная способность воскрешать то, что казалось уже давно исчезнувшим, — с подобной моей интонацией

произнес он, так и не шелохнувшись. Но, когда я дернулась, реагируя не столько на слова, сколько на прозвучавшую в них боль, он осторожно высвободил ладонь и поднялся вместе со мной, не позволяя мне отступить. — Нам будет очень трудно, потому что этот план все еще вызывает у меня опасения. Но я знаю, что мы справимся. Потому что иного выхода у нас нет.

Яланир

— Отец.

Подземные пейзажи весьма однообразны, но камеры отслеживали все вокруг на несколько десятков километров, так что я имел возможность выбирать из множества изображений, которые они передавали.

Озеро было моей слабостью, оно напоминало резиденцию Вилдора. Как бы я ни относился к своему отцу, не стеснялся признавать, что он умел окружать себя лаконичной красотой и научил меня видеть прекрасное там, где многие этого не замечали.

Вот и сейчас, глядя, как мелкая рябь гуляет по зеркалу воды, я ощущал и порывы ветра, которые их рождали, и аромат цветущих трав.

— Отец, — настойчивее повторил Туоран, отвлекая меня от созерцания пейзажа на голографической консоли, — ты хотел меня видеть.

Я переключил систему в обычный режим и жестом предложил сыну приблизиться, отметив легкую напряженность в его движениях. Это было неудивительно — он вырослел и мужал вдали от меня в роду своей матери. И о том, кем именно приходится ему талтар Яланир, узнал не так уж и давно.

Вилдор был очень хитер, он слишком остро чувствовал опасность, чтобы я мог рискнуть своей единственной надеждой на воскрешение и посвятить сына в свой план до того, как отец занялся претворением в жизнь своего.

— Где Сэнши?

Если Туорана и удивил мой вопрос, вида он не подал, служба во внутреннем круге отучила его удивляться. Но вряд ли он не знал, что у меня полный контроль над созданием.

— Тренирует молодняк. Когда я заглядывал в зал последний раз, из второго десятка в живых остались лишь четверо. — Сын чуть расслабился.

В рамках обязанностей, которые я на него возложил, он чувствовал себя уверенно.

Усмехнувшись, чтобы дать ему ощутить его особое положение при мне, я прокомментировал сказанное им:

— Ты не видел, как он разделался с первой партией. Через семидневье непрерывных боев из сотни не осталось ни одного. Виктор выл и кидался на меня, требуя, чтобы я усмирил своего монстра.

— Виктор?

Свое суждение об этом человеке Туоран сделал в первый же день своего пребывания на базе. Одним словом, трус. Все, что я смог добавить ради справедливости, что он хоть и трус, но весьма талантливый и, что когда-то меня заинтересовало, беспринципный. Ему было все равно, кому служить, лишь бы заполучить то, о чем мечтала его мелкая душонка, — бессмертие. Ну или на крайний случай долгую и беззаботную жизнь.

Доказав ему, что это возможно, и пообещав, что он получит желаемое взамен на война, противостоять которому не смогу даже я, я приобрел преданного раба, безропотно исполняющего мою волю.

Но было в нем и то, что импонировало: кроме меня у него был еще один могущественный хозяин, вернее, хозяйка — страсть к знаниям.

Я кивком подтвердил сыну, что, пусть он и отнесся недоверчиво к моим словам, этот человек действительно посмел однажды столь необычным способом высказать мне свои претензии. И даже остался жив после этого. Не потому, что все еще был мне нужен, теперь лаборатории могли обойтись и без него. Он был забавен.

— Что ты думаешь о девушке? — Мой вопрос при всей своей невинности заставил его взгляд метнуться.

Я сделал вид, что не заметил его смятения, продолжая смотреть на консоль. Линия магического фона в одном из контуров плавно скользила, практически не отклоняясь от прямой. Хотел бы я ей верить, но я больше доверял предчувствиям, продолжавшим нашептывать, что полагаться на кажущуюся безмятежность не стоит. Лера была где-то рядом, невидимая, но я ощущал ее той частью себя, которая сразу потянулась к этой женщине. И хотя я знал, что к любви это чувство не имеет никакого отношения, это не мешало мне желать обладать ею.

Теперь же, глядя на сына, я мог увериться и в том, что сде-

ланные мною выводы — правильны. Даймоны и маги Равновесия связаны, и связь эта значительно глубже, чем нити, соединяющие с Единственной.

— Прошла инициацию, но без наставника уничтожит себя сама. Ее силы растут, а контролировать их она не умеет. Если она нужна тебе живой...

Он говорил отстраненно, убеждая, что ему безразлична ее судьба. Но у меня были причины подозревать, что это лишь вышколенная во внутреннем круге выдержка.

— Живой? — Я позволил себе насмешливую улыбку. Я мог сколько угодно играть с собственным сыном, добиваясь своего, но он не должен был догадаться не только об этом, но и о том, что его жизнь, как и жизнь этой девушки, для меня ничего не значит. В отличие от еще одной — дочери Леры. Если я погублю девочку... Думать об этом мне не хотелось. — Да, Туоран, она нужна мне живой. И ты возьмешь ее обучение на себя.

— Отец...

Он не вскочил с кресла, как сделали бы многие его ровесники, для которых звание кондера так и осталось недостижимой вершиной; не стал отказываться, ссылаясь как минимум на то, что не ему, владеющему Хаосом, становиться наставником будущего мага Равновесия. Он лишь приподнял бровь да улыбнулся, давая понять, что оценил мой юмор.

Я же замер, внезапно осознавая, что все, что я делаю сейчас, так похоже на то, что делал отец. Но эта мысль мелькнула и померкла. Я ничего не имел против присутствия рядом Туорана. Более того, ценил сделанное им для меня. И даже был готов разделить с ним будущее, к которому стремился.

Но лишь в том случае, если на пути, по которому я шел, он не станет путаться у меня под ногами, создавая проблемы.

— Ты, — небрежно бросил я, с удовольствием наблюдая, как мгновенная растерянность на его лице сменяется бесстрастностью. В нем текла моя кровь, и я не мог не радоваться, видя, что он достоин быть моим преемником. Будет достоин, поправил я сам себя, если и дальше продолжит оправдывать мои надежды. — Я хочу, чтобы ты добился ее благосклонности и желания присоединиться к нам.

Спорить со мной он не стал и даже не кивнул.

— А девочка?

— Ею займется Сэнши. Я запретил ему прикасаться к ней, но, думаю, этого и не потребует. Она еще ребенок.

И вновь он никак не отреагировал на мои слова. Ни согласия с тем, что это правильно, ни возражений.

Я тщательно выбирал его мать, и не только по генетическим параметрам, благо доступ ко всей базе даймонов у меня был. Мне нужна была женщина, в роду которой имя Вилдора вызывало бы глухую ненависть.

Отец сумел доказать свое право на звание ялтара, ему удалось удержать власть даже тогда, когда его имя связали с поражением на Лилее. Но многие из тех, кто чтит древние законы Дарианы, были против того, чтобы именно он, убивший своего родителя, возглавлял совет.

Мой визит к одному из таких талтаров закончился данным ему обещанием изменить судьбу нашего мира в обмен на его дочь, которая разделит со мной ложе. Родившийся мальчик воспитывался в роду матери, успешно сдал экзамен на зрелость, получил набиру. Мне удалось подтолкнуть его в нужном направлении и освободить для него место в службе, которую я возглавлял.

Смерть его деда, которую я устроил, предполагая, что очень скоро от меня потребуют исполнения обещанного, позволила наделить сына титулом алтара. А гибель матери, знавшей о великой цели, ради которой она отдалась мне, сделала его единственным представителем своего рода и открыла дорогу в совет, куда он должен был попасть только после того, как ему исполнится тысяча лет.

Вот тогда я и пришел к нему, познавшему одиночество, которое для нас, даймонов, сродни самому жестокому наказанию. Одиночество оттого, что ты остался единственным из своего рода.

— Если у тебя все, я могу идти?

Он выглядел спокойным. Но некоторая отстраненность во взгляде, когда он смотрел на меня, выдавала его. Он был не столь бесстрастен, как хотел казаться. Но это простительно, в его годы он далек от возраста истинного возмужания. И если он не поставит мой план под угрозу...

— Ты торопишься? — Я сделал вид, что огорчен.

Его ответная улыбка была озорной, а брошенная им фраза заставила задуматься, настолько ли верно мое мнение о собственном сыне.

— Нет. Но не исключая, что, задержавшись, получу еще одно самоубийственное задание. Так что я лучше пойду.

Смешком дав понять, что по достоинству оценил его способность не терять присутствия духа, взглядом указал на дверь. И только дождавшись, когда створка вновь вернется на свое место, скрыв его от меня, нахмурился.

Ошибиться сейчас, когда счет шел на дни, было непозволительной роскошью.

Вот только память, не желая подчиняться требованиям рассудка, тянула в прошлое. То короткое прошлое, которое было у нас с Туораном. В тот первый наш разговор отца и сына, во время которого меня и настигло осознание, что стоящий передо мной кондер — моя родная кровь.

Мне не пришлось искать повод вызвать его на прайм-базу внутреннего круга. Порученное ему задание — арест Закирала — он провел блестяще. Сыгранная им роль недалекого, неуравновешенного, но амбициозного служаки была великолепна. И в нее поверил не только мой брат, но и отец, даже не потребовавший расправы над несчастным воином, который посмел поставить под угрозу жизнь его любимца.

Да и та жрица, так желавшая заполучить моего братца в мужа, была его идеей. Все должно было свершиться чужими руками.

Туоран стоял передо мной, являя собой идеальный образец дарианского воина. Бесстрастная пустота в глазах, идеальная выправка, приветствие, исполненное с такой четкостью и изяществом, что я невольно сглотнул, вспоминая себя самого в то время, когда еще находился во власти иллюзии, созданной нашим воинским кодексом.

Мгновение растерянности, неверия, когда я вышел из-за стола и с равнодушием, словно это не имело никакого значения ни для него, ни для меня, произнес: «Я — твой отец».

Короткий миг тишины, затем его затянутая в черную перчатку рука тянется к застежке лицевого платка, отбрасывает плотную ткань. Его открытое лицо спокойно, но взгляд скользит в сторону, не желая встречаться с моим.

И короткий ответ:

— Это честь для меня.

Его внутреннее состояние не было для меня секретом. Хаос щедро поделился с ним силой, но кровное родство открыло мне доступ за его щиты. Я не был уверен, что сумел определить каждое чувство из тех, что свились клубком в его душе, но для меня

это было и неважно. Самое главное — испытанное им облегчение, что у него снова есть старший родич.

Та наша встреча затянулась. Чтобы не вызвать подозрение столь длительным общением, я приказал ему сопровождать меня. Идея провести внеплановую проверку порталных залов возникла неожиданно вместе с пониманием, что мальчика в таком состоянии оставлять одного не стоит. Выдержка — выдержкой, но не каждый день находится отец, к тому же принадлежащий к правящему роду.

Со второй нашей встречей я решил не затягивать. Работа на Земле шла полным ходом, а мне все труднее становилось покидать Дариану, чтобы контролировать ее. Да и Туоран не просто должен был признать во мне отца, я добивался его искреннего желания помочь. А произойти это могло только в одном случае — если он разделит со мной ненависть к Вилдору.

Его аналитические способности оказались столь впечатляющими, что перевод ко мне поближе не вызвал ни малейшего удивления. Если только зависть — ведь он слишком молод. Но и это было мне на руку, сын должен был осознать во мне опору, идеал, которому хотелось бы подражать.

А потом он посетил базу на Земле, и я увидел восторг в его глазах. Он еще не знал своего будущего, но прикосновение к тайне, принадлежавшей теперь и ему, окончательно привязало сына ко мне.

Ментальный зов от Сэнши разорвал цепочку воспоминаний, возвращая меня к действительности.

Я еще раз окинул взглядом свой кабинет и, замкнув основной контур защиты на себя, вышел в коридор. Портальная площадка вспыхнула серым, когда я задал точку выхода. В очередной раз отметил тот факт, что земляне так и не привыкли пользоваться нашей системой транспортировки, предпочитая для передвижения лифты и небольшие, но весьма быстрые двухместные машинки.

Они испытывали какой-то иррациональный страх, который мне сложно было понять. Большинство из тех, кто сейчас находился на базе, служили мне далеко не первый год и к проявлениям магии давно привыкли. Но переходы вызывали практически у всех панический ужас.

Сэнши ожидал меня в тренировочном зале. Как обычно, залитый чужой кровью и довольный. Созданные Виктором существа так же, как и даймоны, наслаждались возможностью срази-

ться с равными себе по силе, а высшей доблестью считали победу. И так же, как и мы, подчинялись лишь тому, кто доказал свое право на власть.

— Двое.

Я пожал плечами, давая ему понять, что количество меня не интересует. Каждый из тех сорока, выдержавших курс обучения, был способен справиться и с берсерком. И их уже было больше, чем необходимо, чтобы защитить храм маров, когда наступит время его появления. А с охраной базы вполне справлялись и люди. И меня нисколько не беспокоило то, что всем им предстояло закончить здесь свой жизненный путь.

В моем мире они послужат лишь генетическим материалом, который позволит возродиться нашей расе.

— Виктор опять будет недоволен, — произнес я, быстрым взглядом окидывая помещение.

Оно и без того было мрачным, сейчас же выглядело особенно угнетающе. Только не для нас с ним.

Отшлифованный до блеска серый мрамор на полу, чтобы усложнить задачу воинам и облегчить тем, кому придется его убирать, такие же стены, на которых кое-где виднеются сколы и трещины. И восемь тел. Впрочем, было преувеличением называть это телами. И кровь. Много крови.

Сэнши ответил мне взглядом, в котором была тень удивления. Он не понимал, зачем я уже не в первый раз об этом говорю. Отданный приказ исполнялся четко и точно, без малейшего сожаления. И в данном случае он был однозначен — мне нужны самые лучшие.

— Ты видел девочку?

Я шагнул в сторону выхода, отметив, с какой тщательностью вытер Сэнши свой меч об вынутую из кармана тряпку. Я был для него господином, а оружие — тем, чему он поклонялся.

— Ребенок. — Ни недоумения, ни интереса.

Это даже бесстрастностью не назовешь. Его голос не отражал даже тени каких-либо эмоций.

— Ты должен ее защищать. Ее жизнь важнее, чем моя.

— Страх.

Я знал, что Сэнши за эти годы изучил несколько языков, включая дарианский. Много читал, особенно интересуясь философией и психологией. Простудировал военное искусство, по несколько раз перечитывая труды известных полководцев. Овладел не только холодным оружием, в совершенстве работая

обеими руками, но и огнестрельным, хоть и не любил его, предпочитая оставаться смертоносной тенью.

Но при всем этом говорил он односложно, не утруждая себя объяснениями. Мне было все равно, я его прекрасно понимал, а вот любитель пространных рассуждений Виктор частенько терял терпение.

— Значит, — небрежно бросил я, — она должна перестать тебя бояться. А уж как ты это сделаешь... — Я резко обернулся, отметив неожиданное изменение его ментального рисунка. Но его взгляд продолжал оставаться все таким же отсутствующим, а губы, как обычно, плотно сжатыми, отчего его лицо становилось похожим на гротескную маску, олицетворяющую неизбежность. — Решай сам.

Ответа я не дождался. Отступив в сторону, чтобы дать пройти спешащим в тренировочный зал уборщикам, уже давно привыкшим к подобным зрелищам, я отвлекся лишь на мгновение.

Но его хватило, чтобы Сэнши уже не оказалось рядом со мной.

ГЛАВА 2

Лера

Эти улицы уже не были родными. Город менялся слишком быстро, становясь другим. Чужим. И если бы не некоторые места, в которых, казалось, время замерло, ощущение потери воспринималось бы значительно сильнее.

Я остановилась у парапета, повернувшись лицом к реке, для которой эта выложенная камнем набережная стала то ли прекрасным обрамлением, то ли частью будущей клетки. Взгляд скользил по бликам на воде, гул голосов за спиной уже давно слился в некий фон, несколько не мешающий раздумьям. В них не было цельности, только вырванные из контекста слова.

— Мама!

Звонкий детский голосок раздался совсем неподалеку, но мне удалось даже не вздрогнуть. Прошедшая ночь не смогла облегчить моей боли, но ей вместе с Вилдором удалось убедить меня в том, что отчаиваться рано.

«Лера».

Ментальный зов дарианца был тих, словно он шептал, опасаясь спугнуть нечто мимолетное, требующее осторожности.

Причина была мне известна, об этом мы тоже говорили этой ночью.

«Ничего подозрительного, — так же, как и он, не позволяя собственной силе расправить крылья, ответила я. — Если только...»

Я не закончила, еще раз окинув внутренним взором раскинутую над городом поисковую сеть. Она была похожа на множество спиралей, расходящихся от меня в разные стороны, которые пересекали друг друга, наслаиваясь и создавая замысловатый узор, напоминающий тот, который я видела на теле Вилдора два года тому назад. У него даже было свое название — соединение. А смысл сводился к готовности мужчины ввести в свой дом жену.

«Твоя пауза затягивается».

Я знала, что бывший ялтар находился сейчас довольно далеко отсюда, они с Сартарисом отправились на Дариану-2 за данными, которые нарыли в управлении вероятностных прогнозов. Не знаю, чем мой кошмар напугал сотрудников своего спутника, но после встречи с ним те решили превзойти сами себя и обнаружили что-то новое, касающееся земного храма.

«Как ты оцениваешь вероятность того, что в этом городе есть еще как минимум два неиницированных мага Равновесия?»

Вилдор не думал даже мгновения.

«Как свидетельство приближения времени активации систем храма. Ключи могли служить контрольными точками. Если это так, то появление Хаоса должно восприниматься угрозой».

Я резко обернулась, выискивая взглядом Кадинара, охранявшего меня. Но, как ни старалась, не смогла увидеть никого, кто хотя бы отдаленно напоминал помощника Вилдора. Об этом тоже стоило подумать. Связь между ним и его Единственной успела установиться, но не закрепились, не хватило времени. Но это уже повлияло на его способности, произошел значительный скачок, так похожий на тот, который я наблюдала у его господина. Это можно было объяснить влиянием ритуала слияния, который они провели когда-то.

«Ты считаешь, — начала я, совершенно не радуясь пришедшей в мою голову идее, — что храм пытается защитить себя, призывая магов Равновесия?»

«Принудительная инициация, неконтролируемый рост сил... Да, считаю».

Его тон был подчеркнуто нейтральным. И вот это-то мне и не понравилось: с каждым днем его щиты становились все более плотными, а бесстрастность — все более очевидной.

«Кадинар знает о твоих предположениях?»

Это был не праздный вопрос. Согласись я с ним, и становилось понятным и влияние на происходящее Амалии как носителя сути Равновесия и появление неподалеку от озера Алены. И этому объяснению можно было бы только радоваться: их встреча с Яланиром становилась стечением обстоятельств, предусмотреть которое невозможно.

Но следом за этим напрашивался еще один вывод: девушке предстояло стать первой защитницей храма.

«Он их и выдвинул, — так же отрешенно, словно это не имело никакого значения, ответил он. Впрочем, это действительно не имело никакого значения. — Это все?»

«Нет. Магический фон снижен, я четко вижу вектор его изменения. И вряд ли это озеро».

Ответить он не успел. Точнее, мне пришлось отвлечься, прежде чем я дождалась его ответа.

— Извините. — Я спокойно обернулась, опасность не ощущалась, да и отсутствие Кадинара это только подтверждало. Рядом стоял мужчина лет сорока пяти — пятидесяти с огромным псом на коротком поводке. — Мой друг, — он кивнул на собаку, которая смотрела на меня так, словно знала, что творится в моей душе, — не любит, когда красивые девушки грустят. Я пытался его остановить...

Он не договорил, но этого и не требовалось. В его глазах не было настойчивости, но чувствовался интерес.

«Лера, — голос Кадинара стал для меня полной неожиданностью, — поддержи разговор. Этот господин есть в списке Сарката».

Его замечание подоспело вовремя, я как раз собиралась легким внушением отправить мужчину прогуливаться дальше.

— Как его зовут? — Я без малейшего опасения положила ладонь на холку собаки.

Не считая себя знатоком пород, к какой принадлежал именно этот, я определила без труда. Ньюфаундленд. У наших соседей, в той жизни, был такой.

— Красавчик, — легко, словно сбросив груз с плеч, улыбнулся мужчина. Возможно, раньше таких нюансов я бы не разглядела, но общение с множеством интриганов сделало свое дело.

Даже не желая того, я машинально отмечала подобные мелочи. — А меня Андреем.

«Сизов Андрей Александрович, 1964 года рождения. Школа, служба в армии, Афганистан. Опять школа, весьма специфическая. Снова служба, нюансы можно опустить. Так, это интересно, но не сейчас. А... вот. С 2003 года консультант по информационной безопасности весьма немаленького банка».

— Лера. — Моя ладонь утопала в мягкой шерсти, псина подставляла под ласку уши, вывалив из пасти влажный язык.

А Кадинар продолжал:

«Знаком по форумам с Константином, подогревал его интерес к способам выживания во время и после катаклизмов. И именно от него тот узнал о храме Ханумана. Ник — Архангел».

— Я часто прогуливаюсь здесь, но вас вижу впервые.

Я с долей скептицизма посмотрела направо — набережная убегала вдаль, теряясь на фоне железнодорожного моста, затем налево, к еще одному мосту, но теперь уже автомобильному.

— Мне кажется, что я не одна такая.

«Очень осторожно пытался раздобыть сведения о заброшенных подземных сооружениях на расстоянии не более трехсот километров отсюда. И интересовали его только два направления: восток и север».

— Вы правы, — он пытался показать, что смущен, но делал это весьма неуклюже, с моей точки зрения, — и неправы. Такая вы одна.

Я приподняла бровь, предлагая ему продолжать, а сама вслушивалась в то, что говорил Кадинар. И пыталась представить, что думает по этому поводу Вилдор.

«Его умение замечать следы вызывает восторг. Саркату пришлось воспользоваться нашими методами поиска, чтобы связать все сведения о нем воедино».

— Красавчик никогда ни к кому не подходит сам. Так что вы — исключение.

— Вы меня убедили, Андрей. — Моя улыбка была чуточку грустной. — Но я вынуждена вас покинуть, меня ждет брат.

Прозвучавший приказ Вилдора был категоричным, а голос неожиданно резким.

Кадинар появился из-за спины мужчины, с обидой посмотрел на ньюфа, который негромко зарычал. Противостояние человека и зверя длилось недолго. Пес отвернул морду.

— Мой брат Кирилл. — Кадинар вел себя выше всяких по-

хвал. Добродушно улыбнулся и чуть склонил голову, дожидаясь, когда я представлю своего нового знакомого. — Андрей. А этого красавчика зовут Красавчиком.

Короткое (но не без попытки прояснить, кто из двоих сильнее) рукопожатие и взаимные заверения в том, что они рады неожиданной встрече.

— Андрей, вы извините, — помощник дарианца бросил на мужчину смущенный взгляд, в котором мне не удалось обнаружить ни тени притворства, — но у нас с Лерой есть кое-какие планы. Я просто вынужден забрать сестру.

— Не извиняйтесь, Кирилл. Я просто мелкая помеха на вашем пути. — Сизов развел руками, демонстрируя свою грусть от этого факта.

А пес выжидающе посмотрел на меня, явно рассчитывая на иной исход знакомства.

— И все-таки извините. — В «эфире» царила тишина, но я чувствовала, с каким напряжением прислушивается Вилдор к тому, что у нас происходит. — Лера, пойдем.

Мы отошли уже на несколько шагов, когда Андрей сделал то, чего от него и ожидали.

— Лера. — Я обернулась, с легким недоумением смотря на подошедшего к нам мужчину. — Возьмите. — Он протянул визитку и, когда я ее приняла, стараясь не встречаться взглядом с Киром, добавил: — Я буду ждать вашего звонка.

— Я позвоню. — Я опустила ресницы, пряча за ними вспыхнувшую боль.

Это было невыносимо. Город, в котором я прожила долгую жизнь, где родился Сашка, где встретила Олейора, где... Где я не уберегла дочь.

«Лера, соберись!»

Вилдор всегда умел отдавать приказы так, что его невозможно было ослушаться. Не смогла я этого сделать и тогда, лишь глубоко вздохнула, отгоняя от себя мрачные видения.

«Ты неплохо разбираешься в методах заигрывания». — Мой голос был язвительным.

Как обычно, когда я забывала, что против бывшего ялтара есть только одно действенное оружие — абсолютное игнорирование его существования.

«Ты взяла его под контроль?»

«Да».

Мой ответ был краток. Так было проще держать себя в ру-

ках, не скатиться в очередную истерику. Мне ничего не оставалось, как признать, что только в присутствии Вилдора я обретаю ту уверенность, которая позволяет мне подавить горечь из-за необходимости идти дальше. Но чем больше я это понимала, тем яснее становилась мысль, что с этим надо что-то делать.

Мы с Кадиаром уже достаточно далеко отошли от места встречи, чтобы можно было сбавить шаг и вновь вернуться к тому, чем я и занималась. И пусть картина магического фона над городом была довольно четкой, я продолжала надеяться увидеть новые нюансы.

— Ты можешь сделать так, чтобы твой господин тебя не слышал? — Пришедшая в голову идея была неожиданной, но насколько не относящейся к происходящему.

Однако вполне могла доставить моему дарианскому кошмару несколько неприятных минут — свой канал связи с ним я уже заблокировала.

— Конечно. — Голос даймона растекся патокой. Очень ехидной патокой.

— Тогда расскажи мне о слиянии. — Не знаю, чего он от меня ожидал, но, услышав, остался невозмутимым. Пусть и заговорил не сразу.

Кивнув в сторону летнего кафе, расположившегося на другой стороне дороги, он первым вышел на проезжую часть. Насколько бы странным это ни казалось, но он вел себя в моем мире значительно увереннее, чем я. А ведь прошло... восемь лет, но они сильно изменили мою жизнь.

Дождавшись заказанного кофе, к которому он пристрастился на Земле, сделал глоток и только после этого начал свой рассказ, продолжая смотреть куда-то мимо меня.

— Когда мы первый раз встретились с Вилдором, он уже был вождем. Не по статусу — по духу. Сильным, не знающим сомнений, целеустремленным до фанатизма. Но при этом он не жаждал крови, не наслаждался чужими страданиями. Его группа напала на наше поселение ранним утром, таким чистым и ясным, что мне до сих пор не верится, как могло совместить оно чарующую девственность и все, что произошло позже.

Кадиар выглядел бесстрастным. Да только воспринималось это значительно страшнее, чем выражение самой сильной боли. Он крайне редко скрывал свои эмоции.

— Не надо. — Я накрыла его ладонь своей, прося простить за причиненное страдание, но он этого словно и не заметил.

— Нас в семье было только двое: я и моя сестра. Мама умерла при родах, отец — на охоте, когда мне уже было около пятнадцати. По нашим меркам, вполне взрослый. Сестра для меня была всем, памятью о родителях, опорой, человеком, ради которого стоило жить. Но пришли даймоны, и моя сестра стала добычей для них.

Еще один глоток. Его губы трогает невесомая улыбка. И не поймешь, то ли он вспоминает о той, которую хранит в памяти уже две тысячи лет, то ли наслаждается вкусом напитка.

— Я почувствовал неладное, когда было уже поздно. Ощути я их появление чуть раньше, и звериные тропы увели бы нас от опасности. Я, как и мой отец, стал охотником и не зря считался лучшим в нашем становище. Мужчины чернокожих воинов не интересовали. Тех, кто не кидался защищать своих женщин, выгоняли за частокол. Те же, кто брал в руки оружие... — Он перевел взгляд на меня и равнодушно закончил: — Впрочем, ты знаешь, что было с теми, кто брал в руки оружие.

— Воины. — Я не могла промолчать. Возможно, потому что прошлое держало и меня.

— Я дрался с двумя берсерками, представляя себе, что это хищники пытаются отобрать у меня сестру. Но с каждым уходящим мгновением, с каждым ударом я становился все слабее. Человеку против даймона не выстоять, каким бы умелым воином он ни был. — Быстрый взгляд на меня. Бесмысленный и холодный. Но это мгновение показалось мне вечностью. — Я уже мысленно простился с ней, горюя лишь об одном — что так и не смог ее спасти, когда один из них, стоявший неподалеку и с интересом наблюдавший за схваткой, остановил бой. Это был Вилдор. Он подошел ко мне вплотную. Один, не вынимая меча, оставив у себя за спиной двоих моих противников, недовольных, что им не дали со мной расправиться. Он смотрел на меня, а в его глазах была пустота, в которой я не был даже песчинкой. Затем откинул ткань с лица. Я слышал, как вскрикнула сестренка. Его красота была достойна того, чтобы ей поклоняться.

— Он оставил ее в живых? — Я не сомневалась, что это было именно так, но желание услышать это от Кадинара оказалось столь сильным, что я позволила себе его перебить. Но он меня не слышал.

— «Ты — воин, — произнес он. Его голос был холодным и столь же пустым, как и взгляд. — Но твое тело не тело воина. Если ты пойдешь со мной, ты проживешь не одну, а много жизней». Прежде чем он закончил говорить, я уже знал, что пойду за ним. Не ради жизни, ради того, чтобы хоть немного стать похожим на него. Потому что для меня он был совершенством, диким ненасытным зверем, сумевшим укротить самого себя. Он был вне всего, что я знал, тем, от чего я не мог отказаться.

— Он оставил ее в живых? — Я повторила свой вопрос, пытаюсь вырвать его из оцепенения, в которое он погружался все глубже.

Тот Кадинар, который сейчас сидел рядом со мной, не был тем, кто заботился обо мне на острове.

— Да. — Не знаю, мой голос или испытанный мною страх за него, который Кадинар не мог не ощутить, вернули его в реальность, но хватило одного мгновения, чтобы его губы дернулись в горькой усмешке, взгляд потеплел, успокаивая меня. — На Земле моя сестра вряд ли выжила бы, поэтому он отправил ее на Лилею. У нее были небольшие магические способности, так что она сумела закончить магическую академию. Не знаю, насколько счастливой была ее жизнь, но прожила она долго. Правда, ничего обо мне не помня.

— У нее были дети?

Снова улыбка, но теперь в ней нет той горечи, от которой сжималось мое сердце.

— Ты же хотела узнать о слиянии?

Пришлось кивнуть, соглашаясь на такой вариант. Лезть к нему в душу так глубоко мне больше не хотелось.

— На Дариане я узнал, что не только моя воинская доблесть тронула сердце Вилдора. Я был неиницированным магом. Но и не это оказалось тем главным, что решило мою судьбу. Я человек, но откликаюсь на зов Хаоса. Потом была инициация. У меня осталось единственное воспоминание — ощущение вечно-го холода и тепла руки моего господина, которому я присягнул на верность. А спустя несколько циклов он провел ритуал разделения души, подарив тело даймона. Вот здесь-то все могло и закончиться для меня. Я оказался не готов к переносу, а Вилдор был еще недостаточно силен.

— Он рисковал. — Вряд ли Кадинар не понял, что мое замечание отражало скорее восторг безрассудством тогда еще будущего ялтара, чем переживания.

— Вилдор рисковал и сильнее, — пожал он плечами. — Когда стало понятно, что из трех возможных вариантов один не устраивал нас обоих, второй — его, а третий — меня, было выбрано слияние.

— Он пожалел кинжала для твоей души или оказался настолько нетерпелив?

Кадинар подмигнул, заверяя, что ему нравится ход моих мыслей, и продолжил:

— Я не спрашивал. Ты же знаешь, он умеет убеждать, а давая обещания — сдерживать их. Если он и вспоминал о том, что в моей душе хранится частичка его, то лишь тогда, когда иначе было нельзя. В отличие от меня. Я довольно быстро оценил все преимущества слияния и беззастенчиво пользовался и его силой и его знаниями.

— И об этом так никто и не узнал?

— Узнали?! — Он явно наслаждался своим будущим ответом. — В подобное трудно поверить. Слияние не тот ритуал, который проводится вдвоем, без помощи опытных магов.

Хотела я с ним согласиться, но его глаза затуманились, выдавая ментальный разговор. И, судя по взгляду, который он на меня бросил, это был не Вилдор.

Подтверждения своей догадки долго ждать не пришлось. Одним глотком допив уже остывший кофе, Кадинар поднялся и протянул руку, предлагая помощь.

Несколько шагов, которые мы проделали молча, натянули мои нервы до предела. Даймон то ли обдумывал сказанное, то ли продолжал общение. Судя по сожалению, мелькнувшему в его глазах, когда он резко остановился и обернулся ко мне, правильным оказалось второе предположение.

— Сашка встретился с Константином, везет его в тот дом, который нашел для нас Саркат. Вилдор возвращается с Дарианы-2, так что нам стоит поторопиться.

— И это все?

Я оказалась права и в этом случае.

— Он просил передать, что если ты не хочешь ощутить на себе его гнев, то лучше тебе не блокировать связь с ним.

Радоваться своей маленькой победе мне почему-то не хотелось.

Вилдор

Мой генный маркер не мог ассоциироваться ни с одним родом этого мира, на моем набору не было знаков различия, которые позволили бы меня узнать, но я уже неоднократно видел восхищение во взглядах, которые бросали в мою сторону проходившие мимо воины. Впрочем, те, кто служил в этом здании, должны были знать обо мне сейчас значительно больше, чем я сам.

Нет, мне было кое-что известно. Достаточно, чтобы разобраться, кем я был на самом деле, и оценить собственную осторожность. Не заблокирую я память, мне вряд ли бы так просто удалось продолжать играть в другого, не вызвав при этом ни малейших подозрений.

Другого...

— Прошу в мой кабинет. — Сартарис рывком распахнул дверь (ох уж эта тяга к театральности!) и пропустил меня вперед.

Быстрый взгляд вокруг, ощущение узнавания. Все, что я вижу, соответствует моему пониманию красоты, удобства и целесообразности. И даже озеро вдалеке, хорошо заметное с верхнего яруса устремившегося в небо сооружения, — как напоминание о том, насколько переплетены судьбы двух миров.

Помещение довольно просторное, чтобы в задумчивости мерить его шагами, светлое — внешняя стена стеклянная, вместо портьер тонкие металлические ленты, минимум необходимой мебели. И, что мне импонировало больше всего, защищенное магически настолько, что даже моя паранойя не обнаружила в ней каких-либо огрехов.

— Мне удалось привить тебе вкус. — Я медленно подошел к окну, отметив, как соскальзывают с моих щитов нити следящих систем.

— Вспомнил? — В его вопросе не было ни капли удивления.

— Вспоминаю, — уточнил я. — Кто еще в курсе?

День был ярким: нежно-голубое бескрайнее полотно неба, не оскверненное даже намеком на облака; горы, которые угадываются на горизонте лишь по чуть заметной темной полосе над сплошной зеленой волной леса. Но мой взгляд устремлен чуть правее отблесков сверкающей под лучами солнца воды.

— Я и Тася. Остальным, как и тебе, заблокировали память. Но освободить их сможешь лишь ты, когда тебе откроются ключи.

— Резиденция айлара — там? — Я кивнул в ту сторону, куда так и норовил посмотреть.

У меня не было сомнений в положительном ответе, но я хотел еще одного подтверждения, что не ошибаюсь в понимании происходящего.

— Твоя резиденция, — поправил он меня. Но когда я резко оглянулся, испытал одновременно и смятение и гнев, он коротко ответил: — Там.

Гнев ушел так же быстро, как и появился. Что бы я ни задумал...

Пришлось поправить самого себя: что бы мы с бывшим ялтаром ни задумали, остальные за это ответственности не несут. Тем более Сартарис.

— Давай вернемся к храму, — уже совершенно спокойно предложил я.

Но, как бы успешно я это ни прятал, выдержка далась мне нелегко. Чужое тело, догадки вместо знаний, попытка понять, где принадлежащее мне, а где то, что осталось от другого Вилдора. И хотя даже эти сомнения были нами обоими предусмотрены, сама ситуация продолжала приносить в происходящее элемент неожиданности.

К тому же мне было бы спокойнее, присутствуй рядом отказавшийся от лидерства правитель основной Дарианы. Его опыт...

Я отбросил и эту мысль. У меня шансов справиться с этой историей было больше, чем у него.

— Мои аналитики постоянно пересчитывают вероятностные прогнозы, внося в них поступающие с Земли данные. В последние дни замечены значительные колебания в основных линиях.

— На Земле появилась Лера.

— Да, — многозначительно вздохнул Сартарис и попытался сдерживать улыбку.

Весьма безуспешно. Эта женщина действовала на начальника управления и моего помощника так же, как и на Кадинара, сближая этим их еще сильнее. Они не терпели обыденности, их души жаждали остроты приключений, их девиз был: «Изменение и поиск» Присутствие поблизости носителя сути Равновесия обеспечивало им все то, чего они желали. И они тянулись к ней с благодарностью истощенного жаждой путника, получившего вождевленную воду.

Они восхищались ею, преклонялись, стремились быть как можно ближе к ней, но никогда не забывали, что она при всех ее способностях нуждается в заботе.

И это тоже их объединяло. Ради тех, кому они клялись в верности, они готовы были отдать свои жизни. Ради нее они были готовы их сберечь.

— Конкретнее, — потребовал я, даже не пытаясь предугадать то, что услышу.

Когда в действие вступала Лера, предвидеть что-либо становилось сложно.

— Третья сила. Все изменения соответствуют появлению на Земле третьей силы. Сейчас уже с достаточной уверенностью можно делать вывод, что эта сила направлена против действий Яланира. Но по отношению к нам никакой определенности нет. Мои аналитики в ближайшее время ожидают событий, которые должны внести ясность в эту ситуацию.

— Срок?

Саргарис на мгновение отвел взгляд, но команды я не услышал. Похоже, он посчитал, что еще рано возвращать мой ментальный контур в систему.

Над столом появились два передающих стержня с набалдашниками из матовых кристаллов.

Я машинально прикинул, где мог находиться третий, и раньше, чем осознал, что это знание мне уже частично доступно, увидел еще два сбоку от стоящего у окна стола, а один — над дверью, через которую мы вошли. Пять точек вместо трех?! Более сложная конструкция или....

И тут я вспомнил, что в отличие от голографических консолей основной Дарианы, в которых магия и технология сплелись настолько тесно, что отделить одно от другого было невозможно, здесь, в ее альтернативе, технология преобладала. Пока этот мир не стабилизировался в веере пространства, он не создавал достаточно магии, чтобы пользоваться ею безопасно.

Размышления о судьбах двух миров нисколько не мешали мне наблюдать за тем, как в потемневшем воздухе разворачиваются информационные блоки, вспыхивают линии изгибистых графиков и наполненные многообещающим смыслом формулы.

— От нескольких минут до шести часов?! — Я сам нашел нужный мне расчет, но не поверил своим глазам. Пробежался по цепочке алгоритма, перепроверил входные параметры (как

оказалось, и эта часть моей памяти была мне доступна) и вынужден был признать, что расчет выполнен безукоризненно.

— Будь у нас больше времени, я бы тебя не торопил, — с наигранной обидой протянул Сартарис, но тут же вернул на лицо маску бесстрастности, стоило ему наткнуться на разгорающуюся в моих глазах ярость.

Время активации управляющего кристалла маров приближалось, его защита искала способ нейтрализовать угрозу программе, запущенной древней цивилизацией, и ускоряла события. А мы практически не продвинулись в своих поисках.

— А при чем здесь Константин? — Отданная ментально команда приблизить нужный мне блок осталась невыполненной.

Трудно представить, как будут взаимодействовать сознания двух Вилдоров (один из них еще и заблокирован), если я войду внутрь столь мощной системы, каковой является информационно-расчетный контур управления контроля вероятностных прогнозов.

Сартарис отреагировал мгновенно. Контур раскрылся веером данных. Выяснилось, что активизация линии третьей силы произошла после того, как мы заинтересовались системным администратором фирмы, в которой работала Алена. Лица, факты из его жизни, контакты в сети Интернет, прогнозы, предположения. И резко метнувшаяся вверх линия на графике в тот день, когда Сашка посчитал, что этот мужчина может быть нам полезен.

— Есть предположение, что на Земле действуют группы людей, пытающихся если и не предотвратить возможный катаклизм, так хотя бы выжить во время и после него. На первом уровне анализа мы обнаружили, что между ними нет иной связи, чем через глобальную сеть. Но мы двинулись дальше, и первые же сделанные выводы начали ставить в тупик моих сотрудников.

Продолжая слушать Сартариса, я пытался связать собственное понимание созданного мною и ялтаром плана, часть которого мне была все еще неясна, с тем, что видел. Стоило признать, даже с учетом новой информации, вносить коррективы в него нужды не было. Это не могло не радовать, но вряд ли служило основанием для того, чтобы хоть немного расслабиться.

— Изначальной посылкой для расчетов являлось знание о марах, которое на Земле не сохранилось. Есть материальные

свидетельства их существования, но все они трактуются со значительной степенью погрешности. В поведении же членов этих групп прослеживается некая схожесть, словно они обладают тем, что недоступно другим.

— И как в это вписываются прогнозы о скором конце света? — насмешливо уточнил я, вспоминая свое удивление, когда впервые наткнулся на этот факт.

Мне пришлось даже согласиться с Кадиаром, воспринявшим это как некий информационный наркотик, вызывающий приближающуюся к эйфории истерию у тех, кто с непонятным нам энтузиазмом обсуждает это событие. Даймонам подобное поведение несвойственно. Если мы предполагаем наличие угрозы, мгновенно начинаем действовать.

— Никак. — Сартарис проигнорировал мое ехидство. — Они существуют отдельно друг от друга. Те группы, о которых говорю я, больше похожи на воинские команды. Кстати, большинство входящих в них мужчин служили в армии, часть имела отношения к спецслужбам. А вот это мои аналитики не могли объяснить до тех пор, пока не обнаружилась некая странность.

Прежде чем посвятить меня в изыскания своих служащих, он сделал короткую паузу, которой я и воспользовался, чтобы связаться с Лерой. Ощущение необходимости этого было настолько сильным, что я не стал себе отказывать.

Сартарис, догадавшись, почему я дал ему знак молчать, подключился к линии, по которой шел разговор. Судя по его улыбке, мы говорили о том, о чем он собирался мне поведать.

— Создание этих групп было спровоцировано неиницированными магами Равновесия. — Не сомневаясь в том, что прав, произнес я, когда моя подопечная отвлеклась.

Ощущение ее присутствия рядом отступило, оставив после себя тягучую пустоту, чувство потери.

Мелькнуло осознание того, что я вот-вот что-то пойму, отозвавшись в груди мимолетной болью. Но тут же ушло, когда одновременно с кивком Сартариса, подтвердившего высказанное мной предположение, раздался экстренный вызов Кадиара.

Один из информационных блоков голографической консоли передвинулся на передний план, график, на котором отражалось участие третьей силы, вспыхнул алым, заметавшись между пунктирами границ вероятностных разбросов, рядом вспыхнул временной таймер, на котором тревожно мигала одна цифра — ноль.

Лицо того, с кем разговаривала сейчас Лера, строчки его биографии, магический скан — ничего, что могло бы объяснить его влияние на происходящее. Способности есть, но не столь выраженные, чтобы сплотить вокруг себя команду желающих пережить катастрофу.

Послужной список. До армии — ничего, за что можно было бы зацепиться. Армия — пусто. Та же судьба, что и у многих, прошедших войну.

Взгляд на другой блок. Там причина, по которой его включил в свой список Саркат. Не будь ее, разговор правительницы эльфов и незнакомца закончился бы довольно быстро.

Голос Кадиара звучит бесстрастно, повторяя те сведения, которые сейчас читаю и я. Но за каждым его словом я слышу напряженный поиск ответов на вопросы, главный из которых: почему?

Почему именно он и почему именно сейчас? Что заставило его выйти с собакой на набережную, изменив собственной привычке? Почему из множества женщин, мимо которых он проходил, его взгляд остановился именно на Лере? Почему так спокоен, словно уверен в том, что будет дальше?

Вопросы, вопросы, вопросы!

И опять... До армии — ничего. Армия... Разгадка где-то очень близко, я просто ее не вижу, но это не значит, что я ее не чувствую. Армия... Чужие жизни, потери, кровь...

Мы, даймоны, любим напряжение боя. Тяжесть оружия, бьющийся на виске пульс, азарт и хладнокровие, слившиеся в мимолетности схватки. Но то, что я вижу, всматриваясь в прошлое этого человека, вызывает у меня отвращение. Они были хорошими воинами, у них были хорошие командиры, но я не понимал цели, ради которой они готовы были отправиться на встречу с предками.

Впрочем, как говорит Лера, это не мой мир и не мне диктовать здесь свои законы. Не мне?!

Армия...

Линия на графике вздрогнула в последний раз, когда он протянул ей картонную карточку. Да, я прав, в его взгляде нет сомнений в том, что она ее возьмет. В том, как он стоит, в наклоне головы, в четкости линий лица нет агрессивной настойчивости, но нет и мольбы.

Он знает!